

Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 2

«Public Domain»

1843

Ваненко И.

Тысяча и одна минута. Том 2 / И. Ваненко — «Public Domain», 1843

«Сказка о... нет, дозвольте прежде, люди добрые, порасправить кости старые, пустошь поболтать, язык поразмять, к сказке приготовиться...»

Содержание

II. Сказка о Парамоне и жене его Матрене	5
I. О том, какво Матрена жила с Парамоном	8
II. От чего парамоновой жене захотелось новых чеботов	10
III. Как Парамон отправился за чоботами	12
IV. Как ошибся Парамон и попал ни туда куда надобно	13
V. Как парамонов бык козлом сделался	14
VI. Что такое с козлом сталося?	17
VII. С чем Парамон возвратился к жене	20
VIII. О том, как узнал Парамон, что у его жены порча есть	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 2

*Сказка из походов слагается.
Казак Луганский.*

*Муж задурит – полдвора горит, а жена задурит, целый двор
горит.
Стар. пословица*

II. Сказка о Парамоне и жене его Матрене

Сказка о... нет, давайте прежде, люди добрые, порасправить кости старые, пустошь поболтать, язык поразмять, к сказке приготовиться.

Вот переж сего какая штука была?

Ездил Фока за море, набрался Фока разума: видел там, высмотрел, что на земле трава растет, а по небу порой тучи ходят, порой только одно солнышко; а по ночам там ясный месяц глядит на землю-матушку, или одни яркие звездочки между собою переглядываются. Больше ничего не заметил Фока за морем; а привез с собой Фока тетрадку-книжку маленькую, и в той тетрадке много умного написано: написано правдиво и с толком про народ заморский, про ихнее житье-бытье, про их прав и обычаи. И эту тетрадку-книжку маленькую один толстой Руской человек, выпросил у фоки и предал тиснению. И купили книжки тисненные печатью гражданскую люди разумные, грамотные; стали читать и стали фоку расхваливать; а сам Фока ни с переда ни с бока, ни с конца ни с начала, не поймет не растолкует ни по книжке печатной, ни по своей тетрадке писаной, за что его люди разумные хвалят и жалуют. «Это за то, – он думает, – что пил я сыту заморскую, ел пряники чужеземные!» А кто знал фоку прямо, слухом чуял его речи, ощупью пытал голову, дивится не надивуется: откуда это у Фоки при пустых речах, при пустой голове набрался разум письменный?.. Толкуют с собой, дивуются... «Плохо Фока баеет, а грамоту знает, дело диковенное!..»

Ах, люди добрые... не Фоке-б дивиться, не Фоке-б честь-слава: ведь в дороге у Фоки был попутчиком *Сава*.

«И к чему это наш сказочник такую приплёл присказку негораздую!» говорили – шушукали между собой братцы-товарищи: «не слушает он нашего ума-разума; пускается в ремесло бесхлебное – чужого ума ощупью допытываться!.. Зй, смотри, молодец!.. станешь выть по волчьей, целое стадо волков прибредет, кто-то их отгонит, тебя обережет!.. То-то мы дивимся, думаем, чего он бьется, надсажается, силится рассказать сказку мудреную, и словами кудреватую и речью смышленную... а он, сердяга, с своей смышленностью, колесит все кругом гумна и думает, что напал на прямую дорогу новую, только не пробитую, не протоптаную... Нет молодец-продавец, не тем ты товаром торг повел!.. Не будет тебе барыша и выручки – сметанка хороша, да мала скрыночка. Что ты ходишь, набиваешься очками – слепому, сапогами – безноготому, рукавицами – безрукому, умом-разумом – у кого голова что свищ: в одно ухо слово влетит, а в другое и выпорхнуло!.. Взятся ты с умными речь вести, так чего же ты им про глупые проделки рассказываешь?.. Они и сами смекнут, что где надобно. А буде тебя угораздила нелегкая умным ума прибавлять... то смотри, любезный, и сам опростоволосишься!.. Ты, думая свозить на ток свой хлеб необмолоченный, свозишь

его туда, куда люди добрые только навоз кладут. У тебя лоб-то не медный, а голова не с пивной котел; у тебя ума-разума и про себя не хватит порой, чего же ты лезешь с ним по людям, которые сами не знают, куда и свою такую обузу свалить!..

Рассказывал ты нам присказки, морил нас ими, помирать нам не хотелось, да и уморы в твоих присказках не было!.. Дай-ко, послушай вот, и мы тебе присказку вымолвим:

Ходила, в старые годы, когда это еще наживалось между люду православного, ходила сваха сватать женихов-молодцев; ходила она по богатым домам, где дочки невесты взрослые, а у батюшек кошели не простые; вот она и настрочила рукописную грамоту, или регистр, что ли, по ихнему, всем женихам-молодцам, своим будущим высватанцам; и дело там понаписала она, если просто прочесть, а поразмыслить, так и выходит то дело бездельное!.. Пока она по дуракам ходила, то и свадьбы сводила и деньги брала, и от каждой свадьбы давай Бог ноги, после сватанья; то есть, уж видно, что старалась *благое* творить! Обходивши всех дурней в этой стороне, забрела было и к умным за таким же промыслом!.. Ан один насмешник и ввернул ей крюк, добавил к её регистру смыселу. Вот как это и сделалось, вот и регистр тот, прочти его! Что просто-то написано, то у бабы-свахи так и значилось, а что в скобках-то понаставлено, то вписал этот насмешник для пояснения.

Регистр женихам свахи-бабы опытной

1. У него две лавки, да своя земля.
(Лавки те немного ветхоньки: обе на четырех ножках, за то земля в новых цветочных горшках понасыпана).
2. Торгует катками да штофами.
(Комки большею частью из сбойни жеваной; а штофы не все битые, есть и без трещины).
3. Камни гранит.
(По мостовой, сердяга, целый день шляючись).
4. Служит дельным парнем – переводчиком.
(Слепых с моста на мост переводит и меньше гроша за раз берет).
5. Молоть горазд.
(Каждый день без-умолку пересыпает из пустого в порожнее).
6. Купец-не купец, не однодворец, а двором заведывает.
(Ходит чем свет с метелкою, чистит сор по под-оконью).
7. Ходит снигирей ловить.
(На нос собственный).
8. Слоны продает.
(Слоняясь по улице).
9. Рюмы распускает.
(Хныкает, где надобно).
10. Так хлеб достает.
(Буде есть готовый, то с полки и в рот).

Смотри! что бы и с тобой не поступили так разумники: не ввели б в твою сказку замысловатых крючков, твой же пай на тебя б не прикинули!..

Хоть ты не то, что баба-сваха-сплетница, ты и с добрым своим суешься, да суешься-то не в пору и не к тому, кому надобно!

Понурил голову мой старик-сказочник. Видно, думает, и впрямь я, под старость, без меры болтлив стал; молчать бы мне почаще, лучше бы; уж меня и прежде за это ругали-ругали, хаяли-хаяли, а я-таки опять с грешным телом да в горячий кипяток!.. Бывает, идет

иному счастье такое безолаберное... иной скажет из десяти слов одно умное, его по головке погладят; а иной весь век умно говорит, да коли раз обмолвился, то и пошлый дурак!.. так видно на свете устроено.

Да ну, так и быть; начну сказку рубить просто с плеча, чтоб была ни холодна ни горяча, а так, тепленькая: что бы у умного от холода язык не распух, а глупенькой не ожегся бы!

Вот вам сказка с прикрасами, не с моими, с чужими лясами; я ее купил на *толкучем*, так не знаю, будет ли толк в ней, она там висела на веревочке, под деревянным колышком; еще и продал-то мне ее мужик с рыжей бородой, в нагольном тулупе. Вот видите, я все рассказал, ничего не потаил от вас; а буде не верите, то сами подите справьтесь, спросите у него сказки такой, и он вам их хоть сотню повынимает и все одной масти, да еще с фигурами, а у меня, извините, никаких фигур тут нетути.

Вот вам она...

Сказка о Парамоне и о жене его Матрене, и о том, как Парамон ходил
в город жене чоботы покупать

I. О том, какво Матрена жила с Парамоном

Жил-был мужичок Парамон; малой во всем хват, да больно простоват, и женись он еще, с дуру, на умнице; запропастил бедняга ни за что свою голову: то есть, просто жена из него, что хочет, то и делает, как ей поволится, так его и поворотит и выворотит; ровно куль с овсом стал бедняк Парамон: повалят – лежит, поставят – стоит, захотят – набьют, захотят опять вытряхнут!. Просто, одурила парня женитьба, сбила с толку; правду говорят, что станет овцой если загонять и волка.

Уж какому, в деревенском быту, какому в хозяйстве толку быть, когда жена станет головой мужниной, а настоящая, доморощенная голова мужнина готова вместо помела в печи заметать!.

Так оно и вышло: что не надо-де дуги, коли есть дышло.

Был прежде у Парамона на гумне хлеб, была на поле скотинка, кого бывало по пути занесет Бог, то найдется про того и пирог и масла скрынка; и одежи всякой у Парамона, и другого-прочего попроси, все есть, всего сыщешь-бывало; одного не доставало: жены-сатаны, вот дядя Парамон и приобрел себе таковую.

Была она с месяц тиха, звать боялась греха, а там стала понемножку всбрыкивать; да как спознала, доведалась, что дядя Парамон для нее, что пугало для ворон: только кажется с виду страшен, а и рукой не взмахнет, хоть сядь ему на маковку; вот принялась Матрена учить Парамона; школить, муштровать на свою бабью статью, взяла повадку точат и кроить, делать из мужа то верх то подкладку... И хитра же была шельмовская!.. В людях бывало сидит, не дышит, только Парамона и видит и слышит; он к соседям, и она за ним следом, выйдет ли от них он, и она вон; поедет ли на базар, и она, что товар, уж торчит на возу!.. А как дома вдвоем глаз-на-глаз останутся... ну!.. тут бедняк Парамон места и под лавкой не отыщет, негодя на палатах залечь; тут только и слышна её речь, а уже его речи впереди остаются; тут, как не смирен Парамон, а уж гляди в оба зорко, что бы не досталось на обе корки; легла ли жена спать, не тряхнись, не ворохнись, ни зевни громко, что бы не потревожить её милости; захворала ли какой лихой болезнью, хоть днем, хоть ночью, за версту беги к знахарке за лекарственным снадобьем; а попробуй перечить, так кажись только и жил.

Так вот я к этому-то слово и молвил... какому же-мол тут толку быть?

И действительно: Парамон и парифм-то был хомяк-хомяком, а как зачала еще муштровать жена бойкая, то стал таким олухом, что хоть воду на нем вози; то есть, кажись, просто, обортай ему уздой голову, да скажи: ты-де конь! так он сам в оглобли впрягаться пойдет... Так беднягу загоняла жена, пусто ее!..

А еще и в том толк: что как там баба ни хитри дома, как ни экономничай, что бы там из горшка лишний уполовник щей выгадать, да пожиже кашу сварить, что бы круп меньше шло, а если муж своего добра за избою не может сберечь, то скоро и в избе нечего будет поставить в печь!.. Так вот и наш грешный Парамон, думая и дома и на пашне, и в овине и на току только про-жену одну, только размышляя ей угодить, не перечить бы словом да битую не быть, совсем растерялся сердяга умом-разумом: из страха, чтоб жена не бранила, что зерно будет сыро, два овина сжег; позабытьи насеял ржи к весне, а к зиме горох; а не зная как дела поправить, признал всего у соседей, что бы лишь жена ничего не проведала; пришло время отдать, денег нет, животами поплатился; да такими-сякими манерами не оставил у себя ни гроша в кошеле, ни зерна в земле, а животов всего на все осталось: лошаденка кляча, коровенка ростом с ягненка, бычишка не мудрый, да козел уже состаревшийся.

Баба-Матрена, хоть занималась себе хозяйством, спрядала льну – по две кудели в неделю, да ткала в год по холсту; она, видите, праздников больше будней насчитывала

и всего чащемышляла, как бы лучше понарядиться, да в люди явиться, – та к стало ей некогда и присмотреть было, что у мужа оставалось мало, да и то сплыло!..

II. От чего парамоновой жене захотелось новых чеботов

Раз, на селе, в большой праздник, в Семик, коли знаете, еще когда яишню пряженую готовят, да с березкой пляшут, да припевают:

Под липою стол стоит.
Под тем столом девица.
На девице...

Тыпфу! что я вру, не так бишь оно поется!.. старость прихватила, все песни позапамятовал, да не в этом сила!

Ну так в этот-то большой праздник и дерни нелегкая старостиху Козминишну выдти в новых котях строченых хоровод водить...

Как увидела это Матрена Поликарповна, куда ее и веселье девалося и голову повесила, и лишни не ест, только искоса на мужа поглядывает; другие думают: что с ней стало? видно выпила мало; подносят вина.

«Матушка, Матрена Поликарповна! покорно прошу!..»

– А вот я у мужа спрошу; велит ли еще пить, как бы битой не быть! отвечает Матрена; кинулась к Парамону и шепчет на ухо: смотриж у меня, ты завтра же купи коты такие, как у старостихи!

Вишь ведь какая завистливая проклятая!

Парамон и голову понурил... вот-те курочка и махоточка (горшок): полезай небось! теперь не спасет и *авось*; теперь хоть матушку-репку пой, а коты купи, уж жена от своего слова не попятится!.. А на что их добыть? Кабы ты знала да ведала, моего горя отведала, думает себе Парамон, запустив руку в карман да изредка на жену поглядывая, ведь нам не бесы деньги куют, а на базаре даром никому не дают; посмотрела б ты в мой карман... вишь! тут вот один кукишь – что хочешь, то и купишь!

Назавтра еще добрые люди спят после праздника вчерашнего, иной пьянчуга, как ни рано встает, а еще и опохмелиться не успел, а уж в избе Парамона дребезжит Матрена, бьет языком, что шерстобит струной жиленою...

Да куда ты все девал, куда промотал? пропьянствовал, прогулял!.. не даром видно без меня два-раз на базар ездил, вот теперь и нет ничего!.. Ах ты окаянный, ах ты голова непутная, забубенная! Да что ты затеял? Да по твоему ли уму безтолковому такие деда?.. Ах ты чучело гороховое, ах дурацка стать!»

Парамон нигугу; сидит на лавке, подле самой двери, не шелохнется, только глазами похлопывает, да нет-нет на дверь взглянет, чтобы тягу задать, буде жена так озартачится, что кинется бить.

«Да мне распрострели тебя на части, да дуй-те горой!.. Да хоть лопни ты, а чтоб были коты, чтобы я их видела... слышишь!.. Возьми своего бычишку да козла негодного, они то же, что и ты, только даром сено едят; веди их на базар, ступай, и там хоть себя заложу, а коты добудь... не то и мужем моим не будь, и на глаза не кажись; прибью я тебя, притаскаю, да и всем соседям расскажу, что ты беспутничаешь.

Обрадовался несказанно Парамон, что жена его настроила сама как горю помочь, бух ей в ноги...

– Матушка, Матрена Поликарповна, все исполню и сделаю, лишь помилуй, прости моей дури – не срывавай сердце на моей шкуре!.. а позволь как приказала, позволь так учинить;

продам я и козла и быка и заложу в придачу себя-дурака, лишь бы только тебе угодить, лишь бы тебе услужить... окажи свою милость, позабудь мою провинность!

III. Как Парамон отправился за чоботами

Вот в туже пору, в тот же час и поехал наш дядя Парамон в город, сел на быка и отправился, а козла-сердягу обортал за рога веревкою и пошел за собой; да столько бился, бедняк, маялся с своими животами, пока до города доплелся, что и сказать нельзя: бык-то ни вскачь ни рысью не умеет бежать, а старый козел на другую стать: то кинется в бок, то назад попятится. А! молвил Парамон упрям ты бык, что жена Матрена, а сам только это вымолвил, да и зажал рукою рот, да и оглянулся назад, не стоит ли жена за ним; видит, жены нет, перекрестился до и зачал опять с своими животами раздобарывать: упрям ты бык, да я упрямей тебя, не хочешь ты ехать, так идиж пешком! Слез Парамон с быка, накинул ему свой кушак на рога и пошел вперед, а быка да козла за собой ведет и думает: что, нелегкий вас побери, давича вы все врозь да врозь, а теперь идете рядышком небойсь!.. Толькоб до города добраться, пусто вас; сей час первому встречному за ничто продам, а уж над собой ломаться не дам.

Так калякая да мерекая, да плетяся шажком с козлом да с быком, по большой дороге, отбиваючи ноги, дошел Парамон к ближнему селу; еще и к обедни не благовестили, как он до места довалился, да так упыхался, так сердяга взопрел, будто целую чашку горячих щей съел, а чего тебе, ему и вчера-то вечером жена порядком перехватить не дала!..

Вот вошел он на первый двор, попросил поснедать чего бы недорогого, и чего больше, вестимо луку да квасу да хлеба кусок; пора летняя, да и не пост же великий, так толокна не дадут небойсь.

Поел-себе, покуштал дядя Парамон, на скорую руку; а не то, думает, в город на торг не успеешь, так долголь до беды оттоль в дороге заночевать! Вынул Парамон из кошеля полтинку и расплатился за угощение.

«Ты бы, дядюшка, говорит хозяйка, животам-то сенца дал.»

– Нет, тетка, что их кормить попусту; ведь я их на торг продавать веду, так оно все одно, будь они сыты или голодны, цена одна.

«Да вишь они какие тощие и вол-то кажет не больше городского козла откормленного...»

– Эх тетушка-матушка, дуй их горой, ведь не жалко б было, коли их за деньги продать, а то вишь надо на коты менять, так пусть уж они и сами будут не лучше, как кошки голодные! надо правду сказать, и я теперь с твоей летней похлебки не сытее их!

«Ну ин как хошь! прибавила тетка-дворница.

– Да так и хочу, как сказывал – молвил дядя Парамон.

IV. Как ошибся Парамон и попал ни туда куда надобно

Пошел опять дядя Парамон со своим добром, пошел тем же порядком, тем путем. Долго ли коротко неблизко ли далеко ли, шагом или рысцой, сушью или грязцей, как ни пойдешь все таки до места добредешь; черепаха ползком, что и конь скоком, все таки доходит куда ей надобно. Так и наш дядя Парамон дошел-дотащился до города уже поздно к вечеру, весь в поту сердяга, точно в воду окунут был, да глядь... ан вот-те Марфа еще орех, о жене ль думая, или о быке с козлом, иль о котах женинных, – пошляндаль он от села совсем в противную сторону, да хоть и пришел в село, да со всем в незнакомое, неведомое.

Ну, думает, беда теперь моя, видно к худу так пошло на меня! Нелегкая знает, как это я обмешулился! Однако как же быть, не назад же иттить, остаться видно тут переночевать да отдохнуть, да завтра подальше отправиться.

Так как ничего с ним в пути не приключилось особенного, кроме как-то, что он, хоть не хотя, а должен же был животов покормит, то я вам и не стану рассказывать; а вот что было дальше, то, буде в угоду, послушайте.

Пришел ли, приехал ли, заве до по неизвестно, уже на другой день и тож к вечеру, наш Парамон припожаловал в город незнаемый, в такой, что страшно и кругом посмотреть... настроено вишь дом на дому, и людей-видишь разных видел тьму, как опосля сам рассказывал.

Пришел, спросил где постоялый двор; показали люди добрые; эка вещь, и двор-то постоялый такой, что у его барина палаты меньше; страшно кажись и войти-то туда. Однако делать нечего, приходит плыть, коли брода лет, дядя Парамон давай своим умом раскидывать, как бы в такие хоромы ночевать вкарабкаться! Вышел какой-то парень на двор, Парамон ему в пояс поклон.

«Можноль, кормилец, не во гнев твоей милости, учинить мне такое благодеяние, дозволить здесь приютиться, ночевать-остановиться двоим скотам моим да мне Парамону грешному?»

– От чего же не можно; поди спроси дворника.

«Да где ж мне найти его милость господина дворника?»

– А вон видишь он в синем кафтане стоит.

Парамон опять поклон. «Благодарствую, родимый, на ласковом слове!» поплелся к дворнику и думает: ну, от это отбоярился, как-то с тем придет сговорить: вишь он в кафтане каком, у нас сам староста, даже и по праздникам в смуром похаживает, а и с тем не больно сговоришь.

Однако напрасно робел дядя Парамон, дворник только спросил чего ему надобно, безо всяких речей велел козла да быка на дворе оставить, а ему самому на кухню идти.

Слава Тебе, Господи! думает Парамон себе, здесь страшно только снаружи, а внутри как и в нашей избе, только места побольше, а то есть и палаты и печь, можно будет прилечь да переждать до завтра; вот бы беда, кабы меня на верх повели, толку там мало, только высоко от земли.

Однако немного погодя набуркалось столько народу в кухню, что дяде Парамону показалась и эта широкая изба тесней чем его; но как он устал, что лошадь извощицья, то не смотря ни на жар ни на тесноту, прилег на лавку, прикрылся кафтаном да и уснул так, хоть бы тебе в избе собственной.

V. Как пармонов бык козлом сделался

Встает поутру дядя Парамон раным-ранешенько, умылся и Богу помолился и стал думать, как бы на базар отправиться? Сколько ни думал, сам не придумал: кто-мол его знает, какой тут в городе порядок идет, может на базаре теснота страшная, может впору и самому пройти, так лучше одну прежде скотину отведу да продам, а там и другую пушу потомуж пути; впрочем дай у людей спрошу, как это здесь делается?

В избе народу еще было кой-кого, наш Парамон высмотрел такого, что похуже одет: этот-де авось толком сказать не поспесивится, высмотрел парня ошипанного, подсел к нему и спрашивает:

«А что, кормилец, скажи не откажи, посоветуй, как поступить: привел я сюда в город двух животов продать, да не знаю, вместе ли их вести аль поочереди?»

Парень усмехнулся и говорит: а у тебя какие животы, лошади чтоль?

«Нет, родимый, бык да козел всего на всего.»

– А какой бык, хорошей породы, Черкасской чтоль?

«Нет, родимый, он у меня рыжий – этак изгнеда.»

Парень опять ухмыляется. Я не про шерсть говорю, а что-мол крупен ли, то есть как велик твой рыжий бык?

«Он гораздо больше козла, а уж не знаю как против ваших городских, может не придет подстать.»

– А за сколько намерен продать?

«И того не ведаю как сказать... сколько посулят не постою, дорожиться не буду, лишь бы с рук долой!»

Ну так ведиж его продавать вперед, а там и до козла дойдет черед. А знаешь ли ты, где базар у нас?

«Где ж знать; я впервой только пришел сюда.»

– Так пойдем пожалуй вместе, я покажу.

«Благодарствую, благодетель, сделай милость такую, я тебя буду вечно благодарить...»

А куда же мне козла-то приютить, пока я с базара вернусь?»

– Оставь здесь у хозяина, не опасайся, не пропадет.

Рад Парамон, что отыскал такого милостивца; мигом бегом на двор, отыскал дворника, заплатил за ночлег и сдал козла на руки; сам накинул на себя кафтан, привязал быка и отправился с своим новым знакомцем.

Прошли они больших улицы три да переулков несколько, вышли на площадку; народу там пропасть, так кишмя и кишат, кричат, голосят, а чем торгуют никто и не растолкуют: у иного сапоги в руках, а сам босиком ходит, а сапогами другим набивается; иной, в армяке, носит пропасть всякаго-то платья на руке, думаешь он продает его, а он у другого кафтан торгует, почти силой рвет, и деньги в руки сует, словно еще ему мало что есть у него. Парамон только дивуется. – Экие, говорит, в городе люди торговые, видно не подеревенски живут, все мужички богатые.

Зазевался наш Парамон, а парень, который его привел, подшел к одному молодцу-торговцу, что-то ему шепнул да на Парамона кивнул, а сам затерся между народа, и не видать его. Парамон стоит да поглядывает кругом, кому набиться с быком, а того не замечает, что его оступили молодцы-продавцы, между собою перемигиваясь да шушукая; а один подшел, потрепал по плечу Парамона и спрашивает:

– Что, добрый человек, али Максим что ли, как тебя зовут?..

«Парамон называют.»

– То-то Парамон, это по-вашему, по-деревенски, Парамон, а по нашему по-городски и Максим хорошо! Что это ты козла-то продать что ли хоть?

«Какого козла?

– Вот, дурень, какого?.. А этого рыжа то-то, рогатого, что с собою привел?

«Да какой же это козел? я козла на постоялом дворе оставил, а это бык...»

– Что?.. бык? Ах ты увалень, что ты это... ай вздумал дурить людей в городе? козла за быка продавать?.. ты думаешь мы, городские, глупый народ, ваших деревенских плутней и не проведем... Смотрите, люди добрые, он быком козла называет!.. скажите ему, что это такое?..

– Да что ж, разве он и впрямь не видит, отозвался один мужик с рыжей бородой, что это козел! что он морочит что ли нас?.. А за ним и все завопили... «вишь, брат, какой ловкой мужик, привел козла, да и говорит, что бык!.. Да как ты смеешь православный народ обманывать?..»

Парамон и струсил и дивится и сам быка осматривает со всех сторон... – Нет, говорит, ей Богу же я быка привел; да он же бык и есть, вся наша деревня знает, да и жена, когда меня послала, говорила...

– Дурак ты, – закричали на него, – а ты во всем и веришь жене?.. Да жены и не так обманывают...

«Не одна жена, и на постоялом дворе говорят, что это бык; правда, одна баба сказала, что он не больше городского козла, да все же не совсем козел, а хоть мал да бык!»

– Когда тебе все говорят, что это не бык, то и не смей перечить... а не то, отправить тебя на съезжую, так другое заговоришь.

«За что же? если этот бык и впрямь не бык, всеж не я его, того... не яж виноват.»

– Что с ним калякать по пусту, – сказал мужик с рыжей бородой, – коли он его продавать привел, то давайте покупать; ну, говори, борода, что стоит твой козел?

«Да что стоит... я теперь не знаю как и сказать: если он взаправду бык, как я сам покупал, то рублишков бы десяток взял...»

– Глупая ты голова, глухой тетерев, говорят тебе все, что ты спятил с ума, так уж и не смей пустым местом умничать! говорят тебе, что ты козла привел, так козла и продавай, а людей не надувай! Вишь ты простота какая, ты еще видно не знаешь чем крапива пахнет!

Пригорюнился Парамон; то на быка посмотрит, то на своих честных покупателей, а те так к нему и льнут, что мухи к меду, не дают ему проходу, хотят чуть не силой быка отнять. Думает Парамон: враг его знает, как это случилось!.. Кажись я козла на дворе оставил, а быка привел; дорогой уже не переменялся ли он; а мне все сдается, что это бык!.. видно делать нечего, надо с волка мы но волчьи выть 5 в собачьей стае по собачьи брехать... махнул рукой и сказал: ну, буде он и вправду козел, так всеж десяти рублей стоит небойсь: он у меня прошлым летом пашню пахал, а ваши городские козлы этого не сделают.»

– Да ты еще подсмеиваешься!.. Пойдем на расправу к судье, он тебе растолкует, какой породы животное твоя!

Парамон не в шутку сробел, и так и этак, биться, маяться... на том бедняга и покончил, что молодцы-покупатели сунули ему в руку сколько-то денег мелких потертых серебряных; он было сощитать, а ему нахлобучили шапку по самые плечи да каждый еще пристукнул по разу; и пока он выбился из под шапки своей да оправился, глядит, нет возле него ни продавцев ни быка, а только в руках три гривенника.

Всплакнул сердяга, утерся рукавом и пошел прочь от базара куда глаза глядят. Глядь, подвернулся опять к нему тот молодец-сорванец-общипанец, что подбивал с собой на базар идти, подвернулся, как вытный и спрашивает:

– Что, дядя, за сколько быка-то продал?

«Да то говорят не бык, а козел видишь был!..» и поразсказал Парамон как и что с ним подеялось.

– Экой ты! – говорит удалый оборванец, – ты бы не продавал, а меня б подождал, это тебя обманули как-нибудь, как это ты обмишулился? Эх не хорошо, не ладно; ты, кажется, молодец крепко сшит, да скроен не складно!.. у тебя вишь борода с ворота, а ум с приколиток!.. как это на себя такую дурь напустить, быка за козла на базаре спустить?.. эх, не ладно!..

«Что делать, добрый человек, говорит Парамон, тяжело вздыхая; что делать?.. Твоя милость от меня отвернулся, а эти лиходеи оступили кругом и продраться подальше не дали...»

– Что же ты теперь намерен делать?.. козла чтоль продавать?

«Нет, родимый, уж боюсь пуститься на это: если уже здесь быка за козла приняли, то пожалуй козла за собаку почтут; нет, уж лучше его на селе продам где-нибудь, авось не дешевле городского дадут, хоть будет с чем домой дойти.»

– Ну ин ладно; жаль мне тебя да помочь нельзя; пойдем вместе до постоялова; я опять провожу пожалуй, мне; опять туда же путь лежит.

«Очень благодарен, кормилец, да мне скоро-то нельзя: надо бы жене коты купить, а вот что станешь делать, не знаю как быть: сунули эти ахаверники мне денегенок, да купить на них не придется, хоть бы уж еще своих доплатил: у меня есть рублишка с два...»

– Пойдем вместе, изволь я покажу где купить, с меня, по знакомству, возьмут дешево»

Парамон радехонек. «Окажи милость, благодетель!» И привел его благодетель в лавку к продавцу; а лавка та Бог знает с чем, премудренная: всего товару в ней только и видно какие-то железки висят, да валяется разное стекло битое, да тряпки, да лоскутья суконные. «Где же тут коты-то?»

– А вот он принесет... Эй, брат, Василий! мы пришли у тебя коты купить, дай-ко нам получше какие!.. Отдавай ему деньги, он достанет сей-час!

Полез Парамон в кошель, достал деньги последние и отдает, сердяга, чуть не плачучи; а кривой Василий посмотрел искоса на покупателей, взял деньги и говорит: – Войдите, обождите: у меня здесь этого товара нет, а я в *палатку* сбегаю!

И точно, мигом слетал, принес коты... ну уж и коты!.. Фу-ты!.. Парамон и глазам не верил: зеленые, лощеные, красным ремешком обведены, и где сшиты не видать: все смолкой замазано! Очень рад Парамон, что хорошу штуку купил, и о быке позабыл, хоть нет ничего в кошеле, да на душе стало веселей, жена не обидится.

Кланялся, кланялся Парамон за такую обнову, а кривой Василий, такой ласковой, говорит: – коли хочешь еще приходи, и лучше, говорит, добуду и дешевле возьму!

И парень-добряк не соврал, проводил Парамона до постоялова, и спросил когда он домой пойдет и в какую сторожу, пожелал Парамону хорошего пути и распростился с ним как надобно.

VI. Что такое с козлом случилось?

Не зевая долго, не мешкая, собрался Парамон в дорогу; уложил коты за пазуху, вздохнул раз о быке, взял козла и отправился обратным путем, таким, же чередом, как и прежде шел.

А знакомец его забежал давно вперед, отыскал своего приятеля, Яшку солдата-служивого и рассказал по какой дороге Парамон пойдет и кого за собой поведет... Кажись на что бы это, что у людей за любопытство такое имеется?

Идет-бредет Парамон домой; привязал козла веревкою крепко на крепко и тащит за собой да думает... Козел упирается, как будто ему жаль с городом расстаться, а Парамон знай его тащит, да говорит себе на уме: – нет, непутный, не быть тебе в городе, а пойдём в село, там все-таки ты пригодишься, а в городе взятки-гладки: назовут тебя козлом, да и возьмут даром, а меня прибьют: не торгуй таким товаром; нет, здесь не по деревенскому, здесь купить – как козулю убить, а продать – как блоху поймать; здесь покупать ладно, а продавать накладно!

Так-то идя да раздобарывая, тащит Парамон козла, да как вспомнит зачем в город он отправился, то вынет из-за пазухи коты да и посмотрит на них, и станет ему веселей, и опять он поволочет сердягу своего козла прикрученного.

Вот и идет он таковым манером, такой ловкой поступью идет глухой улицей; только прошел не много, а из переулка за ним следом и вывернулся молодец-оборванец, что коты покупал, да еще и не один, а с солдатом-Яшкою; и вот они тихомолком, не стуча, не спеша подкрались сзади к Парамону да и хватъ за веревку, а Парамон думает, что это все козел упрямится, ну сильней тащить да ругать его больше прежнего; меж тем молодец-знакомец отвязал козла и был с ним таков, а солдат-Яшка обортал себе голову веревкою, что козел привязан был, и идет за Парамоном упираючись; а Парамон все таки тащит, знай таки надсажается.

Вот, как только молодец-знакомец увел козла из виду, солдат-Яшка стук ногой о землю, и давай назад пятиться.

«Что? ай зацепился, псиная порода!» молвил Парамон на козла досадуючи; отлянулся – вот-те на!.. вместо козла стоит солдат обортан веревкою, и голову повесил и руки сложил, ни слова не говорит, а плетется за Парамоном, переступает, как будто так надобно.

Парамон разинул рот и руки распустил: что-мол это за оказия?

– Что такое, думает, ай мне мерещится?.. Потянул веревку, и служивый идет потупившись, выпустил веревку – и служивый стал как вкопаной... Парамон инда вскрикнул: – «что это такое? кто тут это такой?»

– Да это я, – отвечал Яшка жалобным голосом, – бывший козел твой; опять я, видишь, стал чем быть надобно, а впрочем тебе перечить не смею; что делать, твоя воля! куда хошь туда и веди, что пожелаешь, то со мной и делай!

«Полно, служивый, морочить! скажи ж, где мой козел?»

– Я все ж, и козел, и служивый; это все я один.

«Как так?»

– Да так: я, видишь ли, проклят отцем с матерью за одно дело фальшивое; они мне сказали: что вот-де ты сын такой-сякой, понаделал-де ты сын непутное, так вот тебе и зарок: быть тебе, сыну нашему, козлом, а не солдатом, и быть тебе до тоих пор, пока не нападетс на тебя добрый хозяин и не захочет тебя не дождясь твоего века другому продать!» – Вот ты напался на меня, добрый человек, был я у тебя козлом время не малое...

«Да, сказал Парамон, я тебя еще позапрошное лето на базаре в деревне купил.»

– Ну, то-то и есть; почти в позапрошлом году со мной и случилась эта оказия!.. Да, теперь видно, либо я уже Бога умолил, либо родители простили, на свое чадо сжалились, а может и ты, добрый человек, Богу угодлив, так ради твоей правоты и моя вина выкупилась!

«Да оно, дядя-козел, то, служивый бишь, оно конечно, перед людьми-то может я и прав совсем, да жена-то моя не туда глядит: все меня виноватым ставит, все меня да меня бранит; так оно мне и чудно кажется, что ради моей правоты ты-то оправился: где же, кажись, искать правости у виноватого?»

– А разве твоя хозяйка-то больно грозна, дядюшка?

«Вот ты какой забывчивой; а не помнишь, как ты, бывши козлом, бывало наровишь овса с горстку унести из закрома раскрытого, так она бывало тебя цепом иль колом из-за плетня ихлобыснет, глядишь, ты бывало только взвизгнешь да и драла задашь?»

– Да, дядюшка, помню; как забыть; она ведь, случалось, и тебе спуску не дает...

«Ну этого ты, чаю, не прикидывал, ведь она все наровит меня в избе покомшить, так уж оно делать нечего, хоть и больно да не стыдно, бокам не повольно да людям не видно.»

– Так, дядюшка, так; да за чтож, кажись, такое обижательство?.. ведь ты кажется малой доброй и простой...

«Эх, брат, служивый, или козел, как тебя, коль бы ты, чем два-то года козлом быть, хоть бы месяца на три мужем сделаться попробывал, так бы узнал смак в людском житье-бытье; смекнул бы, что часто так прилучается, часто в житейском быту случается: что чем *было* волу реветь, ан телега скрыпит.»

– Ах дядя, дядя! жаль мне тебя; да тебя глядя я и сам ровно другой стал; прост ты, прост; как не поверить пословице: видно и сзаду что Парфен!

«Нет, это отца звали Парфеном, а меня Парамоном зовут.»

– Я ведь знаю; неужлиж столько у тебя служивши да еще не знать, что ты Парамон Парфеныч!

Ну, думает Парамон, коли знает мое имя и отчество, видно он точно у меня служил! Позадумался и спрашивает:

«Ну что дядя, козел, ай служивый... как тебя велишь чествовать?»

– Да как хоть себе, так и зови, все едино по мне.

«Что же мне с тобой делать теперь?»

– Да нешто: теперь веди позавтракать, а уж на базар поведешь.

«Как на базар?»

– Чтож делать, я твой холоп, так уж из твоей воли не выступлю; да ты же и деньги платил за меня, так надо тебе их выручить!

«Вот тебе внучка онучки, а бобов не купил,» сказал Парамон ухвативши себя за бороду, «вот тебе какая беда еще делается... вишь, накорми его, служивого, да веди на базар на свою пагубу: и людей честных разгонишь и мне такой нагоняй дадут: да как это можно продавать слугу царского? Да этого николи и во сне не пригрезится, негодя на яву повстречать!.. Дай (так все это размышляет себе Парамон) дай уж я скажу, что-мол так отпущу, уж-мол на продажу не хочу вести!..» и говорит служивому: «ну, ступай, брат, домой! что тебя по базару таскать, ступай с Богом!.. поминай меня Парамона грешного.»

– Пожалуй, если ты уже такой милостивый, я на базар не пойду, изволь; а уж покормить не откажись: ведь ты мой боярин, а я твой холоп, так тебе должно меня и поить и кормить...

«Эко, брат-служивый, ведь ты отслужил у меня, так за что ж мне и кормить тебя?»

– Да за старую службу покорми на прощанье.

«А чем я тебя стану кормить? Вот будь ты козел, я тебя б сеном пожалуй удовольствовал., а теперь чем стану?..»

– А теперь я служивый, так мне б щец да каши, сивухи да бражки, вот я бы и стал как встрепаной; а коль не накормишь так, то я негожусь на службу царскую; буду хворать,

в гошпитале век пролежу; грех будет и твоей душе и моему телу мука не малая... Ох! вот и теперь чую – так и подводит живот... ох, батюшки родимые! ох, есть хочу!

Да с сим словом бух наш служивый на траву и давай валяться, да стонать, да охать, да есть просить.

Видит Парамон – беда неминуемая как пустится прочь от служивого... да отбежавши чуть не с полверсты, оглянулся и смотрит, что с тем делается?.. А служивый, будто насилию перемагаючись, встал и идет в противную сторону, кулаками глаза утираючи, будто слезами заливается от горькой обиды Парамоновой. Жаль стало сердягу Парамону Парфенычу; ну он служивого опять догонять... подбежал к нему, задыхается...

«Послушай, брат-служба, не пеняй на меня!.. ей-ей, вот-те Христос, я бы тебя напоил, накормил, да денег нетути; как же мне быть?.. Не пеняй пожалуйста!.. Есть у меня алтына с три всего, да самому на дорогу надобны: я на них кроме хлеба да воды ничего и есть не буду ни постного ни скоромного; жаль мне тебя... вот возьми кушак, может продашь в городе за сколько-нибудь, может тебе служивому и хорошие деньги дадут; может можно будет и калач купить, так на здоровье себе и съешь его! Отдал бы я тебе и женнины чоботы, да нельзя; право слово нельзя... затаскает жена, света увидеть не даст, только покажусь без них!»

Служивый остановился; взял кушак, посмотрел на Парамона – и плакать полно.

– Ну, – говорит, – старый хозяин, спасибо, спасибо тебе!.. если не можешь большим, хорошо, что и этим благодарствуешь!.. За это сослужу я тебе службу современем, если прилунится мне в вашей деревне быть... Вот видишь ли что: бывши еще козлом у тебя, я заметил, что жена твоя, не в пронос слово, порченная, она бы не стала так с тобой обходиться да над тобою командывать... знаешь ли что: попробуй-ко полечи ее, вот видишь как: ты, как придешь домой, то и прикинься простяком, будто ты ничего не знаешь; а ведь ты малой смышленной, тебя не учить стать!.. Вот ты прикинувшись таким манером и залезь на печь, и лежи на левом боку не ворохнись; буде жена тебе станет что говорить, молчи не отвечай; буде станет куда посылать, не вставай, а сам все таки лежи на левом боку; вот как она начнет уже очень крепко к тебе приступать, ты тут и оправься, вскочи с печи да вдруг к ней, погладь ее по голове, а сам приговаривай: «тпруся, тпруся!.. полно бурена, тпруся, ай сенца хошь?» Да побеги таки за сеном, принеси да ее и попотчивай!.. прикинься так, как будто ты ее и взаимную правду за корову почел... так вот ты тут и увидишь, что будет с нею: просто ты всю порчу как рукой снимешь, она у тебя будет по нитке ходить!.. Да, уж поверь слову солдатскому!.. Прощай же теперь!

Солдат-Яшка пошел прочь; а Парамон поджал руки, уставил глаза в землю и думает: а что, и за правду ведь солдат-козел правду сказал?.. ведь действительно моя жена порченная!.. ведь это мне нельзя было спознать, а ему оборотню как не смекнуть.

VII. С чем Парамон возвратился к жене

Кой-как да кое-как дотащился Парамон до деревни своей, истощал сердяга так что вчуже жаль, а все это его неисправило: не покинул привычки бояться жены. Не дошедши до избы еще за четверть версты, вынул коты, поднял их да так и несет: как только-де завидит жена, то авось спасибо вымолвит; иди хоть покрайности от нее мне брани миновать.

Идет ближе; так у него сердце и дрожит... вот дверь отворил и жена перед ним! Парамон жене поклон и попку ей...

И точно; Матрена-жена как будто умиловилась; взяла коты, полюбовалась на них и на полку поставила; а мужа даже за стол посадила и есть дала и стала еще спрашивать, что он в городе видел и как и что там делается?.. И какой там народ и всели избы беленые, а ли просто черные есть, и прочее...

Парамон весел несказанно, что жена его попку приняла, и что есть-то ему дала и что еще с ним раздобарывает; уписывает с голодухи инда за ушами пищит, а между тем не упускает жене на вопросы отвечать и рассказывает: «диво-де не город, чего там нет: ворот, ворот... а окон не пересчитать и счетчику; и фонарей и людей... а по латы... так куда ты, не найдешь такой и лестницы, чтобы до крыши долезть; а внутри палат, тож как и у нас в избе: и печь и полати, и стол и скамьи; только умывальник не на дворе, а в избе, да изба гораздо поболее...»

Ну вот стала Матрена спрашивать далее: как он животов продавал, за сколько и сколько денег принес?

«Что, говорит Парамон, вот тут-то со мной и сделалась штука мудреная: бык-то козлом и осоротился...»

– Как козлом?

«Да лукавый его знает как; гляжу, веду быка, а привел козел говорят, да и спорить не велят, козел да и козел, хоть ты лопни, козел!»

– Ты таки-так и продал за козла?

«Рад бы не продать, так купили насильно, видно уж у них обычай такой: один при мне там тож насильно у бабы кафтан купил, хоть у самого у него таких кафтанов девать некуда.»

Матрена уставилась на Парамона и верит и нет; кажется он перед ней никогда не лгал, а теперь еще и божится и крестится.

«Да это еще не все, говорит Парамон, знаешь ли что: козел-то, что мы для приплода держали; ведь то не козел, а солдат ведь был он, вишь оборотень...»

Матрена еще больше дивуется и смотрит на Парамона, не рехнулся ли он.

– Да как это ложно?.. Что это городишь ты?

«Ей-ей правда истинная; он вишь отцем с матерью проклят был за одно дело фальшивое, так от этого козлом и сделался.»

Не знает, что и подумать Матрена Поликарповна, своего мужа выслушивши; постоя же, говорит себе на уме, спрошу у кумы, бываюг ли такие оборотни?.. кажется мой муж врать не горазд, откуда ему довелось сплесть такую историю? И не стала больше Парамона спрашивать; он и рад этому случаю, залег на печь.

А Матрена тотчас давай коты примеривать; надела их и ходит по избе, и себе на ноги поглядывает... ну, говорит, душа утешилась, экие коты, настоящие городские, лучше старостиных!.. Вот и не дурно мужа дурака иметь: что захочу, то и получу от него!

И поджигает Матрену показать всем свою обнову. Идет на дворе дождь; грязь порядочная; а ей не терпится; сей час, говорит, к куме пойду, как увидит так и ахнет и завтра же расскажет всему селу... сей-час пойду!.. Надела коты и отправилась.

VIII. О том, как узнал Парамон, что у его жены порча есть

Вечеряет на дворе. Парамон в избе давно выспался, а все не встает, побрякивает: думает себе: «ай да я молодец!.. и беды миновал, и дива повидал, и жену удовольствовал! напоила она меня, накормила и ласковым словом наделила; а что еще ужо будет... то уж хм! да молчи!» и усмехнулся сам себе Парамон на печи лежучи, на теплой греючись; уставил глаза в потолок, али в притолку и думою бродит по матице.

А тут и случилась оказия:

Пошляндала по своим знакомым баба Матрена в новых чеботах, да и занеси ее лукавый в другое село, дескать мало своим, дай чужим покажу!.. ан вот-те где тетка задоринка... не дошла до села не дошляндала, как глядь, что-то мокро ноге, что за притча? нагнулась взглянуть, ан от чеботов кривого Василья только верхушки остались, а подлетков нет, отвалились прочь, ровно были припаяны. Матрена прежде струхнула было: не навожденьель дескать лукавого, а после и позадумалась: это-де насмех мне сделано, а потом и ругаться начала: это-де муж наделал непутный, пусто его, знать на то, чтобы я не ходила в гости в новых котях!. «Доброж! молвила Матрена, и задумала зло.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.